

УДК 001(091)

doi 10.17072/2219-3111-2024-1-124-135

Ссылка для цитирования: *Алеврас Н. Н.* Диссертант и оппоненты: модели защит диссертаций и опыт оппонирования (1930–1940-е годы) // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 124–135.

ДИССЕРТАНТ И ОППОНЕНТЫ: МОДЕЛИ ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ И ОПЫТ ОППОНИРОВАНИЯ (1930–1940-Е ГОДЫ)¹

Н. Н. Алеврас

Челябинский государственный университет, 454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
vhist@mail.ru

ResearcherID: B-5689-2016

Scopus Author ID: 56259179500

Раскрываются смысл и характер формировавшихся коммуникационных моделей «диссертант – оппоненты» в советской диссертационной системе, которые идентифицируются как выражение научно-профессионального, официально-делового и личностно-дружеского взаимодействия людей науки. В поле внимания находятся преимущественно докторские защиты. Основным источником информации являются стенографические отчеты (стенограммы) заседаний ученых советов соответствующих образовательных учреждений. Анализ их содержания позволил представить характерные для изучаемого времени типы взаимодействия диссертантов и оппонентов, положенные в основу моделей защит диссертаций. В центр специального внимания поставлена докторская защита А. В. Предтеченского, имевшая свои особенности коммуницирования оппонентов с соискателем, а также внутри корпуса экспертов. Оппонентами ученого являлись в основном представители первого поколения историков 1930–1940-х гг., получивших историко-научную подготовку в дореволюционных университетах. Исследованы тексты их отзывов с целью определения принципов экспертного анализа диссертационного труда. Особенности взаимодействия оппонентов и соискателей ученых степеней стали основой разработки моделей защит диссертаций: «равные среди равных», «диссертанты-ученики, оппоненты-патроны/наставники», «диссертант-новатор, оппоненты-традиционалисты». Сделаны выводы о рецепции советской диссертационной системой дореволюционных научных традиций. Культура оппонирования диссертаций трактуется как соответствовавшая профессиональным нормам и принципам научности изучаемого времени.

Ключевые слова: советская диссертационная культура, поколения ученых-историков, модель защиты диссертации, диссертационный диспут, соискатели, оппоненты, отзывы о диссертациях, А. В. Предтеченский, Н. Л. Рубинштейн.

Специфика перехода от дореволюционных традиций защит диссертаций к советскому опыту

Период формирования советской диссертационной системы/культуры² довольно четко определяется хронологическим диапазоном – с 1934 г. до первой половины 1950-х гг., нередко называемым временем сталинизма. В этом советском опыте защит диссертаций можно вычленивать 1930–1940-е гг. в качестве первого – переходного – этапа его становления. Данный отрезок сталинского времени в истории исторической науки примечателен, с одной стороны, стремлением власти адаптировать дореволюционный опыт подготовки кадров ученых высшей квалификации к идеологическим задачам советской власти. Это выразилось в факте прямого использования законодательно-инструктивного опыта подготовки ученых в дореволюционных университетах, включая и организационные основы осуществления защит диссертаций. С другой стороны, на фоне внедрения в научную среду марксистско-ленинской методологии была развернута беспрецедентная кампания борьбы с представителями наук гуманитарной сферы знаний, пытавшихся опереться в своих исследованиях на методологические основания историко-научного опыта, сложившегося к рубежу XIX–XX вв., но воспринимаемого советской вла-

стью как враждебного, буржуазного по происхождению. Ученые-историки составили существенную часть интеллектуальной среды советского социума, объявленной врагами народа. Многие пережили аресты, ссылку, иные формы преследования.

Однако и в данной драматической обстановке российское сообщество ученых предвоенного времени сумело сохранить основные принципы научных подходов к изучению истории. На основе дореволюционного опыта была создана не только система подготовки научных кадров, но и реализованы существенные прорывы в разработке новой проблематики и создании концептуальных версий интерпретации истории в широком хронологическом диапазоне. Все эти процессы самым непосредственным образом связаны с диссертационной культурой изучаемого периода.

Представление о поколениях акторов диссертационной культуры

Будем иметь в виду наличие как минимум двух поколений ученых-историков советской диссертационной культуры изучаемого периода. Данный хронологический диапазон следует отнести и ко времени ее становления, и одновременно к началу смены поколений ученых-историков. Первое поколение (условно – дореволюционное) представляли ученые, родившиеся в 70–80-х гг. – первой половине 90-х гг. XIX в. Это преимущественно историки старой школы. Второе поколение (условно – советское) было представлено когортой ученых, родившихся во второй половине 90-х гг. XIX в. – в первые два десятилетия XX в. Волею политических обстоятельств и времени своего рождения они вошли в состав советских историков. Но оба эти поколения в истории отечественной исторической науки и диссертационной культуры следует отнести к категории переходных – от дореволюционной научной культуры к ее советскому аналогу. Представленные дифференциации, конечно, условны и могут потребовать уточнений.

Диспут как коммуникация

Защита диссертации, воспринимаемая в дореволюционной практике как диссертационный диспут, является событием коммуникативной природы, обеспечивающим связь между диссертантом и целой системой его участников. Коммуникация же «диссертант – оппоненты» составляет квинтэссенцию диспута, нацеленную на критическое оценивание диссертации соискателя, и образует его сердцевину как событийного феномена диссертационной культуры.

Реализуя в системе научных публикаций проект по диссертационной культуре, автору приходилось в том или ином ракурсе обращаться к теме «оппоненты и оппонирование» [Диссертационная культура..., 2022, с. 137–219]. Уважаемые коллеги В. П. Корзун и Г. П. Мягков, выступив с докладом на научном семинаре «Диссертационная активность профессиональных историков в 1920–1950-е гг. Центр и провинция “на историческом фронте” и “в борьбе” за научные кадры советских ученых»³, опубликовали статью об отзывах официальных оппонентов в советской диссертационной системе [Корзун, Мягков, 2023, с. 93–106]. Не можем оставить без внимания эту публикацию.

Авторы актуализировали две противостоящие традиции восприятия в историко-научном сообществе процедуры оппонирования диссертаций. Исходя из идеи коммуникативности науки как феномена, в их статье фиксируется оптимистический взгляд на функционально-значимую роль этого элемента диссертационной культуры. «Как актеру нужна сцена и зритель, так и ученому нужен оппонентский круг», – образно резюмируют они [Там же, с. 94].

Эта позиция демонстрируется опытом защиты в 1922 г. диссертации П. А. Сорокина и другими примерами из раннего советского времени. Но одновременно они напоминают о существовании скепсиса по поводу специфической судьбы защищенной диссертации, выраженной еще В. О. Ключевским известным афоризмом: «Ученые диссертации, имеющие двух оппонентов и ни одного читателя». Однако, по их мнению, сфера оппонирования в системе диссертационной культуры, представленная знаменитым историком в печальном образе «“академической Золушки” историографического жанра», была все же преувеличена. Культура оппонирования в процессе своей эволюции, как подчеркивают авторы, превратилась в значимый инструмент научной экспертизы. «При всей авторской индивидуальности, оппонент/рецензент, выступая как эксперт, отвечает на сложившийся и уже сформулированный документально канон научности», – приходят они к выводу [Там же, с. 98, примеч. 1].

Исходя из опыта современных традиций в науке, В. П. Корзун и Г. П. Мягков задаются оптимистически поставленным вопросом: «Не являемся ли мы свидетелями трансформации отзывов официальных оппонентов как источника, выхода их из “историографических задворков” и превращения в один из “ключевых жанров научного письма”?» [Там же, с. 98].

Поддерживая подобную позицию, можно подчеркнуть, что интересующий нас вопрос о типологизации защит диссертаций в виде неких моделей публичных научных событий продуктивно рассматривать, устанавливая особенности научных контактов соискателя и его оппонентов.

Диссертант и оппоненты в контексте защиты диссертации: модели коммуникации

Задачу определения характера и смысла взаимоотношений соискателя и оппонентов во время диссертационного диспута решить непросто в силу ситуативно-эксклюзивных особенностей защит и различающихся оценок диссертации со стороны когорты оппонентов. Тем не менее, апеллируя к небольшой выборке защит диссертаций, попытаемся наметить некоторые модели коммуникаций «диссертант – оппоненты», складывавшиеся как в процессе общения между ними еще до защиты, так и в тех случаях, когда эта коммуникация создавалась путем назначения оппонентов на основе решения ученого совета. Каждой из моделей были свойственны особенности оппонентских отзывов, определявших характер критических оценок.

Модель 1 – «равные среди равных». Характеризуется соотносительностью связи акторов коммуникации на основе разделяемых принципов научного исследования, а также взаимопонимания на ментально-эмоциональном и психологическом уровнях. Она, в частности, характерна для защит диссертаций представителями старой школы историков, получавших образование еще до революции, а завершавших процесс подтверждения своих научных квалификаций при помощи защит диссертаций уже в советской системе. В данном случае имеются в виду докторские диспуты М. Д. Присёлкова, защитившегося в возрасте 57 лет (1939), А. И. Андреева – в 53 года (1940), А. В. Предтеченского – в 48 лет (1941). Эти три защиты объединяет стремление участников воплотить традиции дореволюционных диспутов в виде научных диалогов между диссертантом и оппонентами.

Особенностью данной генерации ученых являются также факты принадлежности оппонентов либо к кругу сверстников и однокашников соискателей, связанных научными, деловыми и дружескими взаимоотношениями с соискателем (наиболее типичны случаи Присёлкова и Андреева), либо к команде разновозрастных экспертов – от категории «старых историков» до младших современников диссертанта (случай Предтеченского).

Поскольку истории защит Присёлкова и Андреева освещены в специальных публикациях [Алеврас, Гришина, 2022a, с. 205–222; Алеврас, Гришина, 2022b, с. 337–354], остановимся подробнее на случае Предтеченского.

Докторская защита А. В. Предтеченского как факт его интеллектуальной биографии

Повышенный интерес к научному творчеству историка сформировался на исходе XX в. [Анатолий Васильевич Предтеченский, 1999]. Биографы историка – Т. Н. Жуковская и Р. Ш. Ганелин – подчеркивают широкий круг культурных, в том числе историко-литературных, интересов историка, определявших особенности его мира творчества. Констатируя факт публикации Предтеченским более ста научных работ, Т. Н. Жуковская в очерке о нем подчеркивает в то же время довольно поздний период окончательного выбора им стези ученого-историка и создания собственно исторических исследований. В этом контексте драматические перипетии истории работы Предтеченского над переработкой диссертации в 1949 г. в формат монографии, но изданной в обновленной ее версии лишь в 1957 г. [Предтеченский, 1957], подробно рассмотрены авторами очерков об историке [Жуковская, 1999, с. 325–361; Ганелин, 1999, с. 364–368].

Анатолий Васильевич Предтеченский (1893–1966), поступив на историко-филологический факультет Петербургского университета в 1911 г., окончил его в 1918 г., но по ряду причин выпускные экзамены сдал только в 1924 г. [Ганелин, 1999, с. 361–376]. Активную научную деятельность он начал, став сотрудником Ленинградского отделения Института истории Академии наук. Кроме того, он преподавал в различных вузах Ленинграда, в том числе в Ленинградском университете.

Официальные сведения о соискателе, представленные в ученый совет Ленинградского университета, фиксировали у него к моменту докторской защиты наличие ученой степени кандидата исторических наук, присвоенной в 1935 г. без защиты диссертации. За ним числилось 45 научных публикаций, констатировалось отсутствие применения к нему «административных репрессий» (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1600. Л. 9, 15).

В состав материалов архивного дела по докторской защите историка, состоявшейся 19 марта 1941 г., вошли комплекс документов о нем как о соискателе, а также стенографический отчет ученого совета Ленинградского университета об этом диссертационном событии (Там же. Л. 1–99).

Диссертация Предтеченского под названием «Политические настроения в России в начале XIX в. и их отражение в правительственной деятельности», отличалась новизной проблематики, вызвав в научной среде повышенный интерес.

Тезисы диссертации свидетельствуют о том, что историк связывал деятельность «правительства Александра I» с его политическим курсом, ориентированным, как считал автор, на реформирование страны. Из окружения царя историк выдвинул две основные фигуры: министра внутренних дел О. П. Козодавлева, взявшего курс на укрепление экономики страны за счет развития промышленности, и М. М. Сперанского, представленного им как деятеля, устремленного к реализации политических реформ в целях создания «правового государства» (Там же. Л. 30).

Оппозиция этим настроениям, по версии Предтеченского, была выражена известной «Запиской» Н. М. Карамзина, демонстрировавшей «резкое недовольство <...> дворянства» и «свидетельствующей об ограниченности политического мировоззрения» ее автора (Там же. Л. 64 об.–66).

В более широком контексте проблематика эпохи Александра I: характеристика общественных настроений и правительственной политики – были представлены Предтеченским в его вступительной речи на защите (Там же. Л. 54–62 об.).

Сюжетная структура и концептуальная линия диссертации всеми экспертами признавались инновационными, что не исключило критических оценок, повлекших развертывание дискуссии по ряду вопросов.

Круг оппонентов Предтеченского и особенности оценивания его диссертации

В истории защиты А. В. Предтеченского произошло, по словам Е. В. Тарле, «перепроизводство» оппонентов. Действительно, по установленным правилам обычно назначалось три оппонента, но на этой защите их оказалось четверо: академик Е. В. Тарле (1873)⁴ и доктора наук – историк Е. А. Мороховец (1880), историк права и библиограф И. И. Яковкин (1881), литературовед и историк русской литературы А. Г. Гуковский (1902).

Оппонентские линии экспертного анализа исходили из научных интересов и оригинальных позиций каждого из них. В команде оппонентов лидерство, несомненно, было за академиком Тарле, выступавшим первым. Ориентируясь на свой исследовательский опыт и интересы в области внешнеполитических отношений между Россией и Францией первой четверти XIX в., он сосредоточил внимание на проблеме континентальной блокады и ее роли во внешнеэкономической сфере российских интересов. Факт континентальной блокады самим диссертантом в представленных тезисах оценивался как неблагоприятный фактор для состояния «русского народного хозяйства», повлекший повышение цен на ввозимые товары и падение цен на «экспортное сырье» (Там же. Л. 29–30).

Именно эти выводы Тарле подверг критике в тексте своего отзыва, полагая, что континентальная блокада вызвала к жизни «большую» свеклосахарную промышленность и «очень оживила» суконное и полотняное производство (Там же. Л. 40–40 об.).

В отзыве И. И. Яковкина, не присутствовавшего на защите, при всей положительной оценке диссертации сделаны интересные замечания, ориентированные диссертанта на сопоставление фигуры Сперанского с известным политическим деятелем Германии начала XIX в. Г. Ф. Штейном. Подчеркнул он и «отсутствие у автора углубленного анализа существовавших группировок в дворянском классе» (Там же. Л. 49–49 об.).

Основные возражения в отзыве Е. А. Мороховца сводились к преувеличению Предтеченским степени разложения феодально-крепостнической системы в России изучаемого исторического периода (Там же. Л. 46 об.).

А. Г. Гуковский в оппонентском отзыве к числу недостатков диссертации Предтеченского отнес неполноту использования им в качестве источников литературного материала, позволявшего, по мнению оппонента, наиболее адекватно раскрыть общественно-политическую атмосферу в культуре изучаемого времени. В частности, он актуализировал значимость художественной литературы, являвшейся, по его мнению, «наиболее яркой выразительницей политических течений в самом обществе». Упрекнул он диссертанта и за его попытку ««уничтожить» Карамзина, истолковывая его как тупого реакционера без всяких просветов и даже отказывая ему в остроте и глубине мысли» (Там же. Л. 35 об.). Эти явно критические акценты Гуковского, несомненно, выражали некоторые сомнения о полном соответствии оценочных суждений диссертанта относительно реальной палитры социально-политических настроений в интеллектуальном сообществе Александровской эпохи.

В ходе устных дебатов оппоненты придерживались своих замечаний, но были более раскрепощены и пространны в изложении своих позиций. В выступлении Тарле появились предложения издать диссертацию в виде книги, что должно было ориентировать автора на выявление дополнительного архивного материала и корректировку структуры содержания работы. Академик предлагал диссертанту откорректировать позицию при толковании экономических последствий континентальной блокады и рассмотреть вопросы о влиянии Англии на внешне-политическую линию России (Там же. Л. 63–68 об.).

В выступлении Мороховца, напротив, прозвучала поддержка диссертанта в его интерпретации причин и последствий континентальной блокады. Он полагал, что этот аспект еще не обеспечен необходимой доказательной базой. Продолжал он настаивать и на преувеличении Предтеченским процесса «разложения феодально-крепостнической системы», подчеркивая преобладание дворянских интересов в политической линии Александра I (Там же. Л. 69–74 об.).

Именно оппонентская позиция Мороховца относительно оценивания роли континентальной блокады и ее последствий стала основанием для Тарле – уже после выступления оппонента Гуковского, оцененного им как блестящее, – вторично взять слово и предложить устроить полемику/диспут с оппонентом Мороховцом. Но прежде чем обратиться к этому неординарному для диспутной практики явлению, следует отметить основные особенности оппонентского выступления Гуковского.

Оно выделялось не только большим объемом (Там же. Л. 75 об. – 89), но и оригинальностью его интерпретационных подходов к пониманию концептуального замысла и методов диссертанта, оцененных им весьма положительно. Тем не менее это не исключило целой системы критических замечаний. Они были тонко продуманы и тесно сопрягались с его научными интересами.

Гуковский, несомненно, был на подъеме чувств и эмоций в устном выступлении. Специалист в области российских историко-литературных традиций первой четверти XIX в., он был глубоко погружен в мир творчества и идей представителей российской словесности данного времени. По содержанию его речь можно воспринимать как выражение творческого откровения ученого относительно понимания им общих культурных и политических основ российской жизни первой четверти XIX в., повлекших формирование «сознания и самосознания» представителей русского общества, структурировавших своим творчеством многоуровневую общественно-политическую систему, сложившуюся во времена правления Александра I. Сделанный им акцент отличался несомненной новизной. По сути, в нем было выражено некое предчувствие когнитивной истории.

Развивая замечания, высказанные в тексте отзыва, в ходе выступления Гуковский представил участникам диспута и многочисленной публике не только особенности и значение русских литературных традиций для понимания общественно-политической атмосферы в стране, но и сложный социальный контекст изучаемой эпохи. При этом он высказал инновационную для того времени мысль о междисциплинарном характере исследований гуманитариев. Она была выражена им идеей необходимости «кооперации» научных усилий гуманитариев – историков и литературо-

ведов. Примечателен в этой связи упрек Гуковского в адрес сообщества историков. По его наблюдениям, оно было слабо мотивировано на изучение роли русской литературы в целях углубленного понимания общественных настроений в России. Иной была представлена позиция ученых-филологов: «<...> мы – литературоведы – очень много занимаемся историей» (Там же. Л. 89).

Его призыв являлся неслучайным именно на данной защите, поскольку и самому соискателю был свойственен интерес к различным проблемам российской культуры, в том числе к литературному творчеству. Однако Гуковский полагал, что общегуманитарный опыт историка не был им реализован со всей полнотой.

Возвращаясь к теме инициированного со стороны Тарле диспута с Мороховцом, заметим, что его основу составил все тот же вопрос о континентальной блокаде. Тарле полагал, что если Предтеченский «довольно робко указал», что по этому вопросу нет точных данных, то Мороховец «углубляет эту ошибку». Поскольку диссертант собирался издавать книгу по теме диссертации, Тарле довольно запальчиво предостерегал его «не внимать губительному совету Евгения Андреевича», полагая, что в диссертации Предтеченского фактически подтверждено, что «блокада содействовала процветанию промышленности» (Там же. Л. 89 об.).

Ответная позиция Мороховца оказалась твердой и последовательной в этом их диспутном поединке. Свое мнение о роли континентальной блокады он дополнительно аргументировал наличием двух не совпадавших на тот момент интерпретаций данного явления. Мороховец имел в виду не только известную версию Злотникова [Тарле, 1966], но и наблюдения Куценкова⁶, доказывавшего, на его взгляд, «довольно убедительно, что не континентальная блокада, а тарифы [18]10 года оказали влияние на русскую промышленность» [Там же. Л. 92]. К этой позиции – близкой и Предтеченскому – склонялся Мороховец. Дополнительных реплик от Тарле более не последовало. Но о том, что он остался верен концепции Злотникова, свидетельствует вышеупомянутая его оценка готовящейся к изданию книги этого историка.

После состоявшихся дебатов Предтеченский, вполне удовлетворенный научным состязанием, свое заключительное слово начал шутиливой фразой об особенностях этого диссертационного события: «Сегодняшняя защита является подлинным диспутом, диспутом не только <...> между диссертантом и его оппонентами, но даже диспутом между оппонентами» (Там же. Л. 95). Этот пассаж был поддержан одобрительным смехом присутствующих.

В завершающем выступлении диссертант заострил внимание на двух проблемных блоках, ставших для него наиболее актуальными. Первый, конечно, был связан с вопросами интерпретации сюжетов диссертации по проблемам континентальной блокады. Несмотря на высокий авторитет Е. В. Тарле, А. В. Предтеченский остался при своем мнении.

Фактически более убедительной он признал точку зрения Е. А. Мороховца, повторив его доводы из полемики с Тарле. Один из аргументов правоты своей позиции был выражен им объяснением в виде итогового резюме: «Евгений Викторович склонен объединять влияние двух форм континентальной блокады и тарифов. Я не могу этого сделать. Дело в том, что блокада окончилась в 1813 году, а тарифы продолжались до 1816 года, так что влияние тарифов сказывалось как в 1811–12, так и в последующие годы» (Там же. Л. 96 об.). На этом тему блокады он, вероятно, считал для себя закрытой⁷.

Большую часть заключительного слова Предтеченского составляли ответы Г. А. Гуковскому. Можно полагать, что на его замечания по поводу роли и значения русских литературных традиций для формирования самосознания нации изучаемого времени он отчасти отреагировал, опубликовав на основе текста диссертации последний вариант своей книги [Предтеченский, 1957, гл. 2, 9].

Однако, как замечает Т. Н. Жуковская, в редакции текста его запрещенной монографии 1949 г. им были разработаны большие по объему специальные главы о литературно-политических и общественных организациях, а также отдельная глава «об отражении войн с Наполеоном в сознании современников», не вошедшие в текст опубликованной монографии. Она же подчеркнула инновацию Предтеченского в виде создания им понятийного конструкта «общественная мысль», который он использовал и в тексте запрещенной книги, и в некоторых более поздних статьях [Жуковская, 1999, с. 332–333]. Все эти наблюдения подтверждают благотворное влияние состоявшегося его диалога с оппонентом Гуковским.

Особенности докторской защиты Предтеченского, по инициативе Гарле превращенной в диспуты разного уровня, создали атмосферу диспутного «ристалища», что воспринималось довольно многочисленной публикой⁷ как некое возрождение прежних научных традиций защит диссертаций.

Словосочетание из дореволюционного научного тезауруса «публичный диспут», не характерное для советских нормативных документов, несколько неожиданно было использовано и А. М. Панкратовой в официальном документе. В январе 1941 г. она обратилась в ученый совет Ленинградского университета, сообщая, что диссертация Предтеченского обсуждалась в Институте истории Академии наук и была оценена положительно. Но поясняла: поскольку в ближайшее время Институт истории не мог назначить «публичный диспут», то предлагалось, организовать его в ученом совете исторического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1600. Л. 51)⁸.

Тот же мотив поддержки «диспутной» формы звучал еще в 1939 г. от имени присутствующих лиц на защите Присёлкова, в частности в выступлении С. А. Жебелёва, в связи с характером позиций оппонентов, поддержавших коммеморативные акценты его вступительной речи, посвященной А. А. Шахматову – учителю Присёлкова. Подобный стиль общения диссертанта и оппонентов был характерен и для докторской защиты А. И. Андреева, относившего себя к школе А. С. Лаппо-Данилевского. И в том и другом случае выражалась идея значимости того фундамента исторического знания, который закладывался поколениями отцов русской исторической науки.

Во всех трех докторских защитах состоялись диалоги равно-статусных ученых по уровню их научных достижений и стилю взаимоотношений с оппонентами. Как диссертанты, так и оппоненты демонстрировали высокий профессионализм и, несмотря на расхождения во взглядах, взаимную благожелательность. Представленная модель демонстрировала процесс трансляции методологического опыта дореволюционной диссертационной культуры, а потому может восприниматься как переходная по характеру.

Модель 2 – «диссертанты-ученики, оппоненты-патроны/наставники». Эта модель в явной форме чаще проявляется в нестандартных ситуациях. Имеются в виду случаи, когда соискатели признавались новаторами в той или иной области исторических знаний, закрепляя этот статус защитами диссертаций. При этом не всегда представители этой категории соискателей, устремленных к разработкам новой проблематики, находили признание со стороны историков старой школы. В этих случаях процесс патронирования талантов порождал феномен неофициального наставничества.

Первый случай связан с личностью Н. И. Покровского (1897–1946). Наличие статьи о нем с характеристикой докторской защиты [Алеврас, 2023, с. 259–276] позволяет опустить детали этой истории и подчеркнуть лишь характерные ее особенности.

С 1920-х гг. Покровский, учившийся три года на историческом факультете Ростовского университета, но не завершивший по ряду причин обучение, по собственной инициативе участвовал в научных экспедициях по изучению истории этносов и культуры Кавказа. Он вошел в научные контакты с учеными в этой области знаний – историками, этнолингвистами, филологами-арабистами. Его поддерживали два знатока проблем Кавказа: этнолингвист, ученый-арабист академик И. Ю. Крачковский (1883–1951), выступавший первым оппонентом как на кандидатской, так и на докторской защитах, а также ровесник диссертанта историк-востоковед И. П. Петрушевский (1898–1977). Петрушевский выступал вторым оппонентом на кандидатской защите Покровского и представил неофициальный отзыв на его докторскую работу. Длительное знакомство и научные коммуникации между ними формируют научное взаимопонимание и дружеские партнерские отношения.

Однако нельзя не заметить весьма настороженное отношение к фигуре соискателя со стороны двух других оппонентов из когорты старых историков – Б. Д. Грекова и С. Н. Валка. Не освоенная в дореволюционном опыте проблематика истории народных движений, в том числе социальной культуры многоэтнического Кавказа XIX в., методы и стилистика текста диссертации малоизвестного им соискателя рассматривались оппонентами с позиций дихотомии «свой – чужой». Для них он оставался в категории «чужой» в науке. Предложенная диссертантом пробле-

матика не вызвала с их стороны научного интереса, что повлекло сугубо критическую позицию к диссертации и ее автору. Вероятно, лишь авторитет Крачковского сдерживал просматривающееся с их стороны пренебрежительное отношение к диссертации и личности Покровского.

Патронаж Крачковского стал результатом его давних научных контактов с Покровским, в контексте которых возник феномен неофициального наставничества. Это вполне объяснимо с учетом специфических для первых десятилетий XX в. процессов становления советской науки и формирования научных кадров. Современная историографическая ситуация в изучении истории народов Кавказа позволяет утверждать значимость научных интересов Н. И. Покровского и инновационный характер проблематики его докторской диссертации.

Второй случай связан с личностью полузабытого в наши дни сверстника Покровского историка-этнолога А. И. Попова (1899–1972).

Ситуация Попова отличалась особой спецификой: он не имел исторического образования. Окончив физико-математический факультет ЛГУ и проработав несколько лет в качестве преподавателя по этой специализации и даже получив в 1938 г. статус кандидата физико-математических наук (без защиты диссертации), он перешел в иную – историческую – область знания. Со школьной скамьи он проявлял повышенный интерес к этноистории различных народов России. Более того, он вошел в состав Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, просуществовавшего с 1925 по 1931 г., куда входил и его будущий наставник известный этнолингвист и диалектолог Д. В. Бубрих (1890–1949), объектом внимания которого являлись языковые группы финно-угров. Вероятно, в эти годы А. И. Попов решил связать себя с исторической этнологией. Этому содействовали и его особые способности в области изучения различных языков: он владел немецким, французским, английским и легко усваивал языки различных этносов России, увлекаясь историей их происхождения и проблемами сравнительно-исторического языкознания.

Первоначально занимаясь этимологией и этноисторией на уровне интеллектуального интереса, Попов в 1928 г. познакомился с Бубрихом, отметившим этот факт в своем оппонентском выступлении (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1889. Л. 3).

Именно Бубрих в отзыве на его кандидатскую диссертацию, защищенную в 1945 г., подчеркнул владение Поповым значительным числом «языков разных систем», а также разработку им методов изучения исторической географии и топонимического анализа. Выступая оппонентом на кандидатской защите, он подчеркнул, что был бы не против того, если бы соискателю сразу присвоили степень доктора наук (Там же. Л. 11).

В 1948 г. Поповым была защищена докторская диссертация под названием «Исследования по исторической географии и топонимике Восточной Европы» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2424). Бубрих вновь выступил первым оппонентом.

В данной области знаний явно не хватало российских (советских) специалистов, а разработка ее проблематики существенно отставала от европейских достижений в области этнологии, исторической географии, этнотопонимики. Бубрих, поддерживая в течение двух десятилетий контакты с Поповым, стремился заполучить в его лице подготовленного специалиста, намеренно патронируя его деятельность. Подтверждением этого является свидетельство самого А. И. Попова в одной из его книг: «Еще в 1937–1938 гг. кабинеты финноугроведения (проф. Д. В. Бубрих) и русского языка (акад. Б. М. Ляпунов) Института языка и мышления Академии наук СССР вынесли постановление о желательности напечатания автором (т.е. Поповым. – Н. А.) главнейших результатов его работы, но это не могло быть в то время осуществлено по разным причинам» [Попов, 1965, с. 5, подстрочник].

Бубрих был вполне удовлетворен представленным текстом докторской диссертации. Но длительные контакты и взаимопонимание между оппонентом и соискателем вовсе не исключали критики ряда идей и методов Попова. Она прозвучала от патрона-наставника на докторской защите. Продолжая подчеркивать его талантливость, он отмечал: «Бесспорно, труд А. И. Попова несравненно серьезнее всего того, что на эти же темы писалось раньше». Имея в виду труды лингвистов и историков, оппонент отмечал, что первые были слабы в области истории, а вто-

рые – в сфере лингвистики (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2424. Л. 36). Бубрих полагал, что Попов сумел творчески соединить свои лингвистические и исторические наблюдения.

Главное его замечание сводилось к мысли о необходимости установления диссертантом четкого «водораздела» между двумя эпохами – «архаикой и современностью». Имелось в виду определение некоего исторического этапа выхода финно-угорской культуры из архаичного состояния. Бубрих положительно оценил попытку диссертанта выдвинуть идею «протоевразийской» ступени в развитии человека и его речевой культуры, связав этот процесс с «отступлением великого ледника». При этом одновременно он выявил слабое место Попова как исследователя истории языка финно-угорских культур: будучи «великолепным знатоком финно-угорской лексики», он недостаточно углубился в «финно-угорскую морфологию», – резюмировал оппонент (Там же. Л. 41–42).

Выступление Бубриха на докторской защите Попова стало его последним уроком для ученика.

Модель 3 – «диссертант-новатор, оппоненты-традиционалисты». Можно иметь в виду как минимум два случая защит в 1940 г. сходной по типологии диссертационной тематики, ориентированной на разработку новой исторической дисциплины – истории исторической науки: первый случай – докторская защита О. Л. Вайнштейна, второй – докторская защита Н. Л. Рубинштейна.

Указанные диссертации отличались инновационным характером решаемых задач, будучи связанными с разработкой методологических подходов к изучению истории исторической науки. Особо отметим, что научные проекты Вайнштейна [*Вайнштейн*, 1940] и Рубинштейна [*Рубинштейн*, 1941]⁹ по характеру проблематики, структуре и глубине аналитических построений не имели аналогов в дореволюционной историко-научной практике. Конечно, их знаменитые труды создавались на основе историографического опыта дореволюционной науки, но как отдельная научная дисциплина, имевшая по своим целевым установкам методологическую природу, историография формировалась уже в лоне советской исторической науки.

Нельзя пройти мимо того факта, что оба они актуализировали проблемы историографии/истории исторической науки посредством жанра учебной литературы. Восприятие целевых установок при разработке дисциплин исторического цикла, в том числе истории исторической науки, сопрягалось в раннее советское время со стремлением соединить научно-исследовательские и учебно-методические задачи в нераздельное целое. Подобный подход, несомненно, вытекал из традиций дореволюционной исторической науки, ориентированной на трансляцию ученым-профессором историко-научного знания в студенческую аудиторию.

Разработка затронутой проблематики, связанной с трудами указанных ученых, еще далеко не завершена. При этом историографическое научное наследие, в том числе и опыт защит диссертаций, активно начатый в XXI в. погружением целого ряда исследователей, прежде всего в научный опыт Н. Л. Рубинштейна, несколько заслонило фигуру О. Л. Вайнштейна. Отметим, что при всем интересе к учебнику-диссертации Вайнштейна со стороны медиэвистов, все же явных попыток определить место историографического труда историка в российской науке, а также предпринять переиздание его диссертации не предпринималось. Не изучались еще источники по истории его докторской защиты. Нам также приходится отложить эту специальную задачу на перспективу.

Особенности позиций оппонентов и диссертантов в ходе защит диссертаций по истории исторической науки просматриваются особым образом в сравнении с работами по конкретно-исторической проблематике. Это, в частности, демонстрируется позицией Н. Л. Рубинштейна во время дебатов на его защите, состоявшейся 15 мая 1940 г. в ученом совете МИФЛИ (НИОР РГБ. Ф. 521. Рубинштейн Н.Л. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 5), и особенностями оппонентских отзывов Ю. В. Готье, М. Н. Тихомирова, А. М. Панкратовой, зафиксированных в соответствующей стенограмме (Там же. Л. 1–44).

Не ставя в данном случае задачи детального рассмотрения их экспертных позиций, отметим, что область истории исторической науки стала формироваться именно благодаря указанным диссертациям 1940-х гг. При этом диссертанты оказались на голову выше своих оппонентов в

понимании задач современной им историографической культуры. Для них историография – это уже отдельная дисциплинарная область истории исторической науки со своими предметом и задачами. Среди их экспертов не было еще специалистов в этой сфере знаний. Оппоненты оказались в особой позиции фрагментарного видения историографии как научной дисциплины. Поэтому их экспертный анализ был нацелен преимущественно на актуализацию научного творчества отдельных персонифицированных фигур, отбор которых не всегда был обоснованным. В отличие от них, диссертанты стремились уловить процессы и некие закономерности формирования и развития исторических знаний в длительной исторической ретроспективе.

Наиболее адекватно грандиозность и значимость историографического проекта Рубинштейна оценил, пожалуй, Ю. В. Готье. Выступая первым оппонентом, он, несомненно, опирался на опыт московских историков XIX в. в области историографических разработок.

Обсуждение проблем методологии историографии как злободневной темы тех лет практически блокировалось фактом признания (нередко вынужденного) марксистско-ленинской доктрины как основополагающей методологической основы историко-научного знания. На защите Рубинштейна, разработавшего специальные главы о значении трудов Ленина и Сталина в развитии исторической науки, эту линию наиболее выразительно продемонстрировала А. М. Панкратова. В своем письменном отзыве диссертационный труд историка она назвала лишь «обзором исторической науки», попытавшись предложить свою периодизацию историографического процесса, структурированную в стандартах марксистской схемы смены социально-экономических формаций (Там же. Л. 40–44). В этом явно просматривался критический акцент оппонента в адрес защищаемой диссертации.

После оглашения ее отзыва (Панкратова не сумела прибыть на защиту) в выступлениях неофициальных оппонентов – историка С. В. Бахрушина и философа А. П. Гагарина, а также в заключительной речи самого диссертанта прозвучала критика относительно ряда ее предложений (Там же. Л. 31 об., 33, 35 об., 36 об., 37 об.).

Заключение

В кратком резюме подчеркнем значимость «реставрации» дореволюционной диссертационной системы и положительный опыт многих защит, состоявшихся в первые полтора десятка лет существования ее советского варианта. Независимо от научной специализации, акторы диссертационной культуры, пережив со всем социумом драматизм политических и социальных перипетий советской реальности, сумели внести существенный вклад в становление нового дисциплинарного образа истории исторической науки, что трудно переоценить.

Опыт публикаций диссертаций как научных трудов, разрабатываемых с учетом мнений, идей, оценок и предложений оппонентов, во всех рассмотренных случаях следует отнести к категории особой научной коммуникации. Она соединяла в себе и элементы трансляции научного опыта в межпоколенных практиках ученых, и устремляла авторов диссертаций к дальнейшему научному самосовершенствованию. Сама по себе тема «соискатель – оппоненты» далеко не исчерпана и, несомненно, потребует изучения различных ракурсов этой научной коммуникации.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557.

² Смысловое наполнение понятия «диссертационная культура» неоднократно обосновывалось автором, в частности, см. [Диссертационная культура..., 2022, с. 15–18].

³ Семинар был проведен в Челябинском государственном университете 22 ноября 2023 г.

⁴ Здесь и далее – год рождения оппонента.

⁵ Личность Куценкова, упомянутого оппонентом без инициалов, к сожалению, не удалось идентифицировать. Автору не известно, о какой его работе шла речь.

⁶ Характерно, что в структуре изданной в 1957 г. книги отсутствуют специальные разделы, посвященные этому столь спорному вопросу.

⁷ В одном из вариантов «справки на соискателя» (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1600. Л. 8), отсылаемой в ВАК, неожиданно зафиксирована цифра 60, обозначающая число проголосовавших за присвоение Предтеченскому степени доктора. Но в ученом совете на основе другого варианта справки (Там же. Л. 9)

было всего 15 человек, проголосовавших следующим образом: 12 – за; 1 – против; 2 – воздержались. Можно предположить, что цифра 60 могла обозначать число лиц, присутствовавших на защите.

⁸ Текст обращения Панкратовой к ученому совету ЛГУ может свидетельствовать и о том, что Предтеченский, возможно, не исключал для себя защиту в стенах Института истории Академии наук СССР.

⁹ Вайнштейн защищал диссертацию по изданной уже книге, Рубинштейн издал диссертацию вскоре после защиты.

Список источников

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1600; Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 1889, 2424.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 521. Рубинштейн Н.Л. К. 1. Ед. хр. 6.

Библиографический список

Алеврас Н.Н. Защита диссертаций Николаем Ильичом Покровским в Ленинградском университете // Вестник С.-Петерб. ун-та. История. 2023. Т. 68, вып. 1. С. 259–276.

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Историки из дореволюционного прошлого в советской диссертационной системе: защиты докторских диссертаций М.Д. Присёлковым (1939) и А.И. Андреевым (1940) // Диалог со временем. 2022а. № 3. С. 205–221.

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в довоенный период // Научный диалог. 2022б. Т. 11, вып. 3. С. 337–354.

Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия / сост. Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1999. 436 с.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М., Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 366 с.

Ганелин Р.Ш. А.В. Предтеченский в ЛОИИ // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия / сост. Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1999. С. 361–376.

Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 464 с.

Жуковская Т.Н. Правительственные реформы и общественная мысль Александровской эпохи в творчестве А.В. Предтеченского (по материалам личного архива) // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия / сост. Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1999. С. 325–361.

Корзун В.П., Мягков Г.П. Отзывы официальных оппонентов: историографические задворки или ключевой жанр научного письма? // Magistra Vitae. Электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 1. С. 93–106.

Попов А.И. Географические названия. Введение в топонимику. М.; Л.: Наука [Ленингр. отд.], 1965. 181 с.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 456 с.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.

Тарле Е.В. Об исследовании М.Ф. Злотникова «Континентальная блокада в России» // Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л.: Наука, 1966. С. 7–8.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.08.2023

DISSERTATIONISTS AND OPPONENTS: DISSERTATION DEFENCE MODELS AND OPPONENCY EXPERIENCE (THE 1930s AND 1940s)

N. N. Alevras

Chelyabinsk State University, Brat'yev Kashirinykh str., 129, 454001, Chelyabinsk, Russia
vhist@mail.ru

ResearcherID: B-5689-2016

Scopus Author ID: 56259179500

This article explores the meaning and nature of the Opponents-Dissertationist communication models established in Soviet dissertation system, examining how they reflect the academic/professional, official, and personal interactions between scholars. The focus of the article is on the procedures for defending a doctoral dissertation. The key source of information for the research is the verbatim records (transcripts) of meetings of the academic councils at the educational institutions. By analyzing their content, the author identifies the types of interactions between dissertationists and opponents that were typical during the period in question. The author reviews in detail the doctoral defense of A.V. Predtechenskiy, highlighting the specific communication between the opponents and the dissertationist, as well as between experts related to the dissertation in question. The opponents of this scholar were mainly representatives of the first generation of historians of the 1930s and 1940s trained in history at universities before the revolution. The author studies the reviews to determine the principles of expert analysis of dissertations. The interactions between the opponents and degree candidates were used to develop several dissertation defense models. These include the following: Equal among equal; Disciple dissertationists and patron/mentor opponents; and Opponents and dissertationists on a search for the meaning of historical studies. The author concludes that the Soviet dissertation system adopted pre-revolutionary academic traditions, and that dissertation opponency was viewed as a valid means of upholding professional standards and scholarly principles during the period in question.

Key words: soviet dissertation culture, generations of historians, dissertation defence model, dissertation dispute, degree candidates, opponents, dissertation reviews, A.V. Predtechenskiy, N.L. Rubinshtein.

Acknowledgments

¹ The research was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-28-00557.

References

- Alevras, N. N. (2023), “Dissertation defence of Nikolay Ilyich Pokrovsky at Leningrad University”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, № 1(68) 68, pp. 259–276.
- Alevras, N.N. & Grishina N.V. (2022a), “Pre-revolutionary historians in the soviet dissertation system: doctoral dissertation defense procedures of M.D. Priselkov (1939) and A.I. Andreev (1940)”, *Dialog so vremenem*, № 3, pp. 205–221.
- Alevras, N.N. & N.V. Grishina (2022b), “Doctoral dissertations in soviet dissertation system: defense experiences in the pre-war period”, *Nauchnyy dialog*, № 3 (11), pp. 337–354.
- Alevras, N.N. & N.V. Grishina (eds.) (2022), *Dissertatsionnaya kul'tura rossiiskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva: opyt i praktiki podgotovki i zashchit dissertatsii (XIX – nachalo XX v.): kollektivnaya monografiya* [The Dissertation Culture of Russian Academic Society of Historians: experiences and practices of writing and defending dissertations (XIX – early XX centuries): a collective monograph], Nestor-Istoriya, Moscow - St. Petersburg, Russia, 464 p.
- Ganelin, R.Sh. (1999), “A.V. Predtechenskiy”, in Zhukovskaya, T.N. & L.M. Predtechenskaya (eds.) (1999), *Anatoliy Vasil'evich Predtechenskiy. Iz tvorcheskogo naslediya* [Anatoly Vasilievich Predtechenskiy. From creative heritage], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, pp. 361–376.
- Korzun, V.P. & G.P. Myagkov (2023), “Reviews of official opponents: historiographic periphery or the key genre of academic writing?”, *Magistra Vitae. Elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, № 1, pp. 93–106.
- Popov, A.I. (1965), *Geograficheskie nazvaniya. Vvedenie v toponimiku* [Geographic names. Introduction to toponymy], Nauka. Leningr. otd., Moscow; Leningrad, USSR, 181 p.
- Predtechenskiy, A.V. (1957), *Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii v pervoy chetverti XIX veka* [Essays on the social and political history of Russia in the first quarter of the 19th century], Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow; Leningrad, USSR, 456 p.
- Rubinshtein, N.L. (1941), *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography], Gospolizdat, Moscow, USSR, 659 p.
- Tarle, E.V. (1966), “On M.F. Zlotnikov’s study of the Continental blockade of Russia”, in Zlotnikov, M.F., *Kontinental'naya blokada i Rossiya* [Continental blockade and Russia], Izd-vo Nauka, Moscow; Leningrad, USSR, pp. 7–8.
- Vaynshtein, O.L. (1940), *Istoriografiya srednikh vekov v svyazi s razvitiem istoricheskoy mysli ot nachala srednikh vekov do nashikh dney* [The historiography of the Middle Ages and the development of historical thought from the early Middle Ages to present day], Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo, Moscow; Leningrad, USSR, 366 p.
- Zhukovskaya, T.N. (1999), “Governmental reforms and social thought in the Alexander’s age in the works of A.V. Predtechenskiy (based on the private archive)”, in Zhukovskaya, T.N. & L.M. Predtechenskaya (eds.) (1999), *Anatoliy Vasil'evich Predtechenskiy. Iz tvorcheskogo naslediya* [Anatoly Vasilievich Predtechenskiy. From creative heritage], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, pp. 325–361.
- Zhukovskaya, T.N. & L.M. Predtechenskaya (eds.) (1999), *Anatoliy Vasil'evich Predtechenskiy. Iz tvorcheskogo naslediya* [Anatoly Vasilievich Predtechenskiy. From creative heritage], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, 436 p.